

Юлия
ЖАДОВСКАЯ

В СТОРОНЕ
ОТ БОЛЬШОГО
СВЕТА

Fiction

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ж17

Автор идеи серии *Наталья Артёмова*

Разработка серийного оформления и дизайн обложки
Виктории Лебедевой

Жадовская Ю.

Ж17 В стороне от большого света : роман / Юлия Жадовская. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 384 с. (Из жизни благородных девиц).

ISBN 978-5-389-29577-3

Юноя Генечка живет со своей престарелой тетушкой в тихой уединенной усадьбе. К ним редко приезжают гости, и все их общество — такие же одинокие соседи.

Генечка любит бродить по темным аллеям, читать книги да грезить о жизни в большом городе. Она мечтает о приключениях, выдумывает игры и совсем не печалится однообразию дней.

Когда тетушка наконец-то собирается отправить ее в губернский город, Генечка понимает, что она слишком привязана к этому дому. Но впереди ее ждет новая жизнь, где все ее будут называть Евгенией, обращаться к ней на «вы» и не считаться с ее чувствами.

Жизнь, в которой Генечке предстоит бороться за собственное счастье.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-29577-3

© ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Мне не было еще двух лет, когда я лишилась матери. Отец мой вскоре женился на другой и через год умер, не оставив мне никакого состояния. Небольшое имение моей матери было еще при жизни его продано за долги. Мачеха моя имела, как я слышала от тетушки, хорошее состояние, но после смерти моего отца уехала за границу, где и осталась навсегда, выйдя замуж за какого-то доктора, француза.

Незадолго до смерти мать моя вручила меня старшей нежно любимой сестре своей, которая и взяла меня к себе, как только матушка скончалась. Тетушка моя была старушка лет шестидесяти; она была девица, но в ней вы не заметили бы и тени тех недостатков, которые обыкновенно приписывают старым девушкам; она была добра и кротка; лицо ее носило до старости следы красоты, некогда замечательной. Может быть, это было одною из причин, что характер ее не испортился, не очерствел; ее не раздражала мысль, что она будто обижена, обойдена за какой-нибудь резкий недостаток в наружности. В молодости она имела много обожателей, но была влюблена однажды,

на всю жизнь. Родители и слышать не хотели о браке ее с этим человеком и никакие средства не считали непозволительными для того, чтобы разлучить их, и успели в этом. Эту эпоху своей молодости тетушка называла «романом своей жизни». Она до старости сохранила в душе чувствительность, заливалась слезами над произведениями Августа Лафонтена и других чувствительных писателей и с трепетом следила за ужасами «Удольфских тайнств». Но эта чувствительность не распространялась у нее на все без разбора, кстати и некстати. В практической жизни тетушка была добрая хозяйка, любившая хорошо покушать и выпить кофею поутру. Она не была тем, что называют образованною, и не имела на это никаких видимых претензий; воспитываясь у своей бабушки, она одна из всего семейства не знала французского языка, но во многих случаях обнаруживала ум ясный и практический. Она не любила задавать тон, то есть казаться выше того, что есть, но любила, чтобы все у нее было хорошо, чтобы соседка, уезжая с ее обеда, говорила: «Какой прекрасный стол у Авдотьи Петровны! Когда ни заезжай, голодна не будешь...»

Как теперь гляжу на эту добрую старушку: темный капот и белая косынка на голове, повязанная «маленькой головкой», составляли ее будничный наряд. Чепцов она не любила, потому что они закрывали ей уши и усиливали глухоту, и оттого чепец являлся на ее голове только по воскресеньям или по случаю какого-нибудь редкого визита дальнейшей богатой соседки. В воскресенье и праздники тетушка облакалась какою-то торжественностью и особенным достоинством, но эта торжественность продолжалась только до обеда; после обеда которая-нибудь из соседок говорила: «Что

это вы, родная, не изволите снять чепчика?» Тетушка всегда с радостью принимала подобное предложение, и голова ее снова красовалась в белой косынке.

Соседки у нас были поблизости все бедные, у самой богатой считалось не более пяти душ. Некоторые из них были сверстницы тетушки; другие были еще детьми, когда она была молода; но всех их связывали с тетушкой и между собой более или менее общие интересы. Тетушка была между ними как в своей семье. Они искренне любили ее, и тетушка платила им тем же; они разнообразили ее уединенную жизнь и были ходячими газетами нашего края. Посещая окрестных помещиков, они имели возможность узнавать и передавать тетушке, уже много лет никуда не выезжавшей по случаю слабости здоровья, все новости: свадьбы, похороны, продажи и покупки имений, выезды и приезды. Тетушку занимало все это, потому что редкий помещик или помещица не были сыном, внуком, близким родственником ее прежних знакомцев, а кто постарее, то и самим знакомцем. Мужчин в нашем доме не было и духу, горничные исправляли должность лакеев. У соседок мужья были или пьяницы, или уж так необразованны и грубы, что сами дичились тетушки, а иной, живя дурно с женою, знал, что тетушка поглядит на него не совсем ласково. Эти мужья были большею частью причиной всех драматических приключений в нашем околотке, то есть шуму и драк по праздникам в окрестных деревнях. Из этих господ только один появлялся еще в торжественные праздники в маленькой гостиной тетушки; это был некто Андрей Петрович. Этот Андрей Петрович некогда служил где-то в суде, потом женился на дочери одной из наших соседок и в первые годы су-

пружества безжалостно бил свою жену, которой покровительствовала тетушка; но вдруг он переменялся, стал хорошим хозяином и перестал бить жену. Чудную эту перемену приписывали одному знахарю, к которому тихонько ездила Варвара Степановна посоветоваться о своем горе.

Появление мое в доме тетки принесло ей большую радость. Я была новым звеном, привязывавшим ее к земле. Она теперь имела право, несмотря на свои шестьдесят лет, желать продолжения жизни, потому что эта жизнь нужна была маленькому существу, отданному ее покровительству. Воспитание мое... но у меня не было того, что называется воспитанием. Я не знала гувернанток: тетка терпеть их не могла. Русской грамоте я выучилась еще на пятом году, с пяти лет пристрастилась к чтению и до пятнадцати ничему больше не училась. В то же время я выучилась и писать самым оригинальным образом. Малюткой я копировала сперва печатные буквы, потом стала подражать почерку нескольких старинных писем и бумаг, хранившихся в незапертом сундуке в углу диванной; мне было позволено разбирать их, с тем чтобы, насмотревшись, я снова уложила их в прежнем порядке. Если удавалось мне написать несколько уродливых строчек, я с восторгом показывала их тетушке, которая иногда замечала, что азы у меня, точно пьяные, покачнулись набок или червь похож на крючок; но тут же целовала меня и прибавляла, что если я буду стараться, то выучусь писать скоро и хорошо.

Я ела с теткой по средам и пятницам постное; вставала с ней к заутрене и вообще восхищала всех тем, что была «как большая». Так как я была слабый, худенький ребенок, то тетка всю зиму держа-

ла меня безвыходно в комнате, как говорят, в хлопках, что не мешало мне простужаться и хворать. Тогда заботам и огорчениям доброй тетушки не было конца: поднималась вся домашняя аптека; мне обкладывали голову листьями соленой капусты, поили мятой, и только в крайних случаях давали огуречного рассола. Тетка не верила докторам, да, правда, в деревне поневоле обходилось дело без доктора: губернский город был за двести с лишком верст, а уездный врач находился большею частью или на следствии, или где-нибудь у помещиков.

В сумерки тетушка сажала меня перед собой на стол, спустила ноги мои к себе на колени, и, поглажив меня по голове, начинала рассказывать по моей просьбе сказку. Сперва рассказывала мне о «Хитрой лисице и волке», о «Строевой дочке». С каким наслаждением я слушала тетушку! Однажды тетушка вдруг припомнила сказку из «Тысячи и одной ночи». Купцы, принцы, принцессы, волшебницы потянулись передо мной пестрою вереницей. Весь вечер я была в каком-то обаянии. Легши в постель, я стала припоминать сказку, и — странное дело! — передо мной явился ряд новых образов, новых приключений, о которых не рассказывала тетушка, но которые родились в моем сильно потрясенном воображении. С этих пор явилась у меня странная способность рассказывать мысленно самой себе сказки, созданные моим же собственным воображением. Сперва это были сказки, после — целые романы. Эта способность, которую нет возможности объяснить тем, кто не имеет ее, была для меня источником невыразимой отрады. Бывало, по целым часам хожу я задумчиво взад и вперед по комнате, и если бы был при мне какой-нибудь опыт-

ный наблюдатель, то, верно бы, удивился, увидев на детском лице моем то слезы, то радость, то ужас, то испуг. Этих долгих путешествий по комнате не могла не заметить и тетушка; и в самом деле странно было видеть маленькую девочку, расхаживающую с самым глубокомысленным видом. На все вопросы тетушки, о чем думаю, я отвечала неопределенным «так...», и она переставала спрашивать меня, сказав: «Ну, Христос с ней: она что-нибудь да думает».

На девятом году судьба послала мне друга. Рядом с нашею усадьбой находилась усадьба Марьи Ивановны. Имение Марьи Ивановны состояло из десяти душ крестьян и земли, совершенно смежной с тетушкиной, так что дом Марьи Ивановны отделялся от нашего двора только забором и одним углом упирался в тын тетушкиного сада, приютившись таким образом под тень полувековых берез. Марья Ивановна была родственница тетушки и крестница ее, но уже давно не ходила к ней, потому что была за что-то в ссоре с тетушкой. Ссора эта была семейная и не касалась никаких хозяйственных интересов. Марья Ивановна была вдова; у нее было двое детей, сын и дочь; последняя была одних лет со мной. До тех пор Лизу видала я иногда издали, в церкви или, гуляя, сквозь забор садовой решетки. Встречаясь, мы всегда расходились, как посторонние, потому что девушка, провожавшая меня, боялась прогневать тетушку, позволив нам сойтись.

Однажды — помню, это было в Рождество, — мы отправились к обедне; маленькая церковь была полна; за чепцами барынь теснились пестрые платки баб; за ними толкались мужички. Тетушку конвоировали два дворовых человека в синих кафтанах, с помощью которых мы протеснились вперед и заняли должное нам

место. Общим движением я была выдвинута и очутилась у самого амвона, рядом с Лизой. Тетушка, видя, что я тут безопасна от толчков, оставила меня.

Я взглянула на Лизу, она на меня, и мы обе тихонько засмеялись, сами не зная чему. Этим знакомство наше было сделано. Сердце мое билось от удовольствия и от какого-то нового для меня чувства. Неодолимая сила тянула меня к Лизе, мне хотелось обнять и расцеловать ее, но я была слишком «умное» дитя и удержалась от такого порыва. Мы довольствовались взглядами и улыбками; мы даже тихонько проговорили друг другу несколько слов. После обедни мне дали целую просфору; этим преимуществом пользовалась я всегда, потому что тетка давала мучку на просфоры и вообще считалась старшею и богатою прихожанкой. Просфора эта была для меня очень приятным даянием: обедня кончилась поздно, а тетушка никогда не пила чай до обедни и мне не давала, и я, бывало, порядочно проголодаюсь.

Я предложила Лизе половину просфоры...

— Кушайте, — сказала она мне, — я не хочу.

— Мне много, я не съем всего.

Лиза взяла и поблагодарила меня. Между тем соседки обступили тетку и с торжеством говорили, указывая на меня:

— Посмотрите, какой ангел, какая доброта! Взгляните на них, что за парочка!

— Пойдемте здороваться с тетушкой, — шепнула я Лизе.

— Я не знаю, как маменька, — робко отвечала она.

— Ничего, ступай! — сказала стоявшая за нами Марья Ивановна, которая давно искала случая помириться с тетушкой.

Тетушка поздоровалась с Лизой благосклонно, думая, что та подошла к ней единственно по влечению сердца. Вслед за дочерью подошла к тетке и Марья Ивановна. Тут совершилось между ними примирение без слов, без объяснений. Тетушка пригласила Марью Ивановну обедать, и с Лизой. О, каким это было для меня праздником!

С этого времени Лизе позволено было приходиться ко мне каждый день, и скоро мы сделались почти неразлучны. Лиза была красивая девочка, с темными волосами, большими серыми глазами и черными тонкими бровями; большой нос только придавал ей серьезное выражение. Она была суха и скрытна в обращении. Доверенность ее приобреталась не скоро. В домашней жизни ее матери были какие-то таинственные для меня темные пятна, и потому, отпуская Лизу ко мне, она старалась внушить ей недоверчивость; она знала, что это лучшее средство сделать ее скромной. Лиза была странное существо. Горе и радость выражались у нее так бледно, так тихо и, несмотря на то, возбуждали участие; но вообще она принимала за горе то положительное горе, которое легко можно определить словами и которое не выходит за границы материального. Она почти никогда не плакала, говорила, что слез у нее не вышибешь и обухом. Никогда ни к кому не ласкалась без причины, так, по влечению внутреннего чувства, переполняющего через край молодое сердце. Раз, помню это как теперь, мы ходили в саду в ясный весенний день; солнце обливало горячими лучами синеваую зелень пихт и сверкающие листья берез; воздух напоен был живительным запахом свежей зелени и благоуханием ландышей, которые выставляли серебряные колокольчики из-под широких, атласи-

стых, темно-зеленых листьев своих. Чувство безотчетного счастья вдруг охватило все существо мое, сладкий трепет проник меня, и, заливаясь слезами, я вдруг обняла Лизу и скрыла лицо на ее груди. Она посмотрела на меня с удивлением и на поцелуй мой отвечала с убийственным комизмом:

— Здравствуй! давно не видались! — потом прибавила, — какая же ты странная!¹

Я глубоко обиделась; сердце у меня сжалось непривычным холодом. Лиза заметила это и сказала:

— Послушай, Генечка, ты не сердись на меня, я уж такой человек, я не могу ласкаться; я тебя люблю, ты знаешь, но ласкаться не могу; спроси хоть маменьку, и она тебе скажет; я и сама не рада.

Это успокоило меня, я скоро примирилась с ее холодностью, уверив себя, что она уж такой человек.

Странно, что книги никогда не могли возбудить ее внимания; она засыпала на второй странице каждой повести или романа, как ни были занимательны они; но слушала с удовольствием, когда я рассказывала ей читанное. Лиза была строга и положительна не по летам, так же как я мечтательна не по летам; но между тем мы притворялись детьми перед старшими и удалялись от всего, что нас не касалось. Самолюбие уже говорило в нас, и услышать: «Вы еще дети, это не ваше дело» — было бы нам очень обидно.

И вот незаметно создан для нас особый мир и окружил нас волшебною чертой. Мы стали играть... Но эти игры не походили на игры других детей, где

¹ Здесь и далее: знаки препинания, а также написание строчной и прописной букв сохранены в авторской орфографии. *Примеч. редактора.*

куклы и воображаемые гости составляют все. Нет! Наши игры были целые романы, драмы, поэмы... Воображение мое работало сильно, и яркость моих мыслей увлекала мою подругу. Слово «будто» было волшебным жезлом, по которому двигалось и творилось все, чего бы мы ни пожелали... Часто мы обливались горькими слезами в наших играх и тогда, когда уже были почти взрослыми. Игры наши росли и развивались по мере того, как развивались наши способности, разгорячалось воображение; общество, балы, любовь, тираны и покровители, богатство, удовольствия, радость и горе — всем этим окружали мы себя полно и живо, угадывая по своему разумению то, чего еще не испытали в действительности; чтение романов также немало способствовало этому. Так, не выходя за решетку сада, мы совершали дальние путешествия, попадались в руки разбойников; влюбленный в меня атаман готов был уже сделаться моим мужем, и вот является неожиданный избавитель; разбойники упорно защищаются, наконец побежденные, спасаются бегством. Избавитель — разумеется, очаровательный молодой человек — ранен; мы ухаживаем за ним; я влюбляюсь и любима взаимно; но тут жестокий отец разрушает свою непреклонною волей все наши надежды и принуждает меня выйти за знатного старика. Лиза — тогда уже, разумеется, под другим именем, — старшая сестра моя, собирает меня, несчастную жертву, к венцу, похитив из цветника несколько лилий и пунцовый пион для такого торжественного случая, потом приводит меня, полную отчаяния, в великолепно убранный зал, наполненный гостями (то есть в пустую старую беседку в саду), тут я падаю в обморок... Общее смя-

тение... и, наконец, появление Дуняши с докладом, что тетенька приказала нас позвать кушать чай или обедать. Очарование исчезает и заменяется действительностью, имевшею для нас в то время также свою прелесть. Печальная невеста бежит с громким смехом по длинной густой липовой аллее к дому, где вместо жестокого отца ждет ее добрая тетушка, вместо ненавистного свадебного пира — густые сливки и ягоды.

Нам минуло четырнадцать лет. Я, бывшая до сих пор меньше ростом Лизы, вдруг выросла и развилась, так что на полвершка переросла мою подругу. Мы стали и на вид совсем большими; и соседки, и тетка обращались с нами уже как со взрослыми. Нас звали неразлучными; тетка же называла нас любовниками, потому что мы всюду и всегда являлись вместе и одна без другой не выходили даже в другую комнату. Лиза всегда ночевала дома, и каждое утро я с трепетом ожидала, когда появится она в своей шубеечке на дороге перед домом. Иногда зимой она, бывало, подкрадется и бросит снегом в стекло. Простуды она не знала и никогда не была больна; зато я хворала порядочно, хотя всю зиму и сидела безвыходно в комнатах. Но случалось на святках, когда тетушка заговорится с соседкой, решусь я выбежать с Лизой тихонько на крыльцо. Это было не так трудно, потому что крыльца было два, передняя всегда пуста и нас не могли видеть. Боже мой! какой это был подвиг! Сердце билось, будто совершалось преступление; стащишь, бывало, большой платок, висевший всегда на тетушкиных ширмах, накинешь на голову... так и хочется вырваться на волю...

— Надень мои валенки! — молвит Лиза, — видишь ты какая фарфоровая...

— А ты как же, Лиза?

— Я не простужусь; я так надела валенки; я все в башмаках по снегу хожу.

И выйдем мы со страхом, скрипнув дверью. И глянет, бывало, на нас своими бриллиантами звездная, морозная ночь, и хорошо нам, и весело, и стоим мы, будто очарованные, на хрупком снегу, пожирая взором пространство, залитое лунным светом, засыпанное миллионами искр, и глядим мы на звездное небо, синее, безграничное, как надежда, чудное и далекое, как будущность, о которой мечтает доверчивая молодость...

А когда наступала весна, когда яркий поток ослепительного света вливался в окна, не завешенные драпировкой, и воробьи весело чирикали на кустах сирени, покрытых почками, и скворец распевал на своем скворечнике, а на окошке начинали цвести ирисы и авриколии, и оживающие мухи жужжали на теплом стекле, — о, какой чудный мир отрады и блаженного восторга раскрывался тогда в душе моей! Как стремилась я вырваться на воздух, с какою завистью смотрела на здоровых ребяташек, которые валадались в весенних лужах, с какою любовью приникала я к ветке вербы, занесенной Дуняшей или Аннушкой в девичью; как вдыхала свежий запах ее коры; как ждала, как молилась, чтоб поскорей сошел снег и солнце высушило землю, потому что только тогда кончалась моя неволя, только тогда открывался вход в необъятный храм природы, где я пила полною грудью живительную струю весеннего воздуха.

У Марьи Ивановны, как я сказала выше, был еще сын, годом моложе Лизы; азбука едва была знакома

мальчику, который, по выражению тетушки, бегал как саврас без узды. Митя приходил к нам с сестрою только по воскресеньям и праздникам поздравить тетушку, что он, по внушению матери, считал непреложною обязанностью; прочие же дни предпочитал играть с мальчишками в бабки или разорять птичьи гнезда, против чего Лиза ужасно восставала. Мы вообще не питали к нему никакого уважения и никогда не пускали в свои игры.

Марья Ивановна вспомнила, что сыну пора приниматься за грамоту, и стала отыскивать учителя «не мудреного», да с тем, чтоб уже кстати поучил и Лизу, которая, однако, читала порядочно.

— Генечку мою нечего учить, — говорила тетушка, — будет время, сама всему выучится; она читает бесподобно, пишет очень порядочно; мне самой Бог помог ее выучить.

— Вы, маменька, другое дело, — говорила картавя Марья Ивановна, — вы и сравнения нет. Не будь у меня Митеньки, я бы Лизу и не подумала учить, ну а мальчика так оставить нельзя... А легко будто это? Вот учитель-то сто рубликов просит... а от какого состояния?

— Ну, уж так и быть, я заплачу учителю, — сказала тетушка.

Марья Ивановна бросилась целовать у нее руку.

В одно мартовское утро Лиза живее обыкновенного вбежала ко мне в комнату.

— Здравствуй! — сказала она, пахнув на меня свежим воздухом, — что это ты до сих пор в постели?.. Ах ты, соня эдакая!

— Да ты, Лиза, вчера в котором часу легла?

— Как пришла от вас, в девять часов.

— Ну а я до двенадцати читала тетушке... Ах, Лиза, что это за книга, Мельмот-Скиталец!

— Ну полно, ты, с книгами! К нам учителя привезли...

— Привезли? — вскричала я и тотчас стала одеваться. — Ну, скажи, что он? молодой?

— Молодой.

— Хорош ли?

— Ничего, недурен...

— Черноволосый?

— Нет, белокурый...

Лиза рассказала мне со всеми подробностями о приезде учителя и первый разговор с ним матери. Она смешила меня безо всякого намерения смешить. Притом же в то блаженное время смех наш ежеминутно раздавался, заставляя иногда улыбаться даже Федосью Петровну, тетушкину ключницу. От тетки мне всегда доставалось за смех.

— Генечка! — говорила она тоном строгости, — эй! привыкнешь смеяться поминутно, будешь смеяться и в обществе.

Добрая тетушка! как она ошибалась: привыкнуть быть веселой! как будто это возможно.

Я смеялась только с Лизой, а без нее была иной человек; да и при ней часто вдруг набегали на меня минуты безотчетной тоски, я садилась в угол и плакала. Мы не смеялись, когда в сумерки смотрели в окно, когда догорала заря или носились серые облака. Тут мы или молчали, или говорили не по-детски о предметах высоких и недоступных нам, решая по-своему вопросы, волновавшие наш ум. Я старалась заинтересовать мою подругу тем, что сама считала высоким и прекрасным. Лиза, впрочем, терпеть не могла отвле-

ченных разговоров, и когда я замечтаюсь, она всегда бывало, прервет меня:

— Ну, мать моя, ты уж пошла рассуждать, точно ученая.

Я падала с облаков и становилась в уровень с ее положительностью, которая исчезала только тогда, когда мы начинали играть.

Жизнь моя разделилась незаметно на две половины: на жизнь с Лизой и на жизнь без нее. Все время одиночества я посвящала на чтение и на беседу с тетужкой, которой рассказы были для меня приятны и занимательны. Но не всегда рассказывала тетужка: часто она поучала и читала длинные нотации, которые я слушала с наружным терпением; но, несмотря на то, многое оставалось у меня в сердце, и я часто сознавала внутри себя, что тетка говорит правду. Так ее речи были иногда полны истины. Приезд учителя не нарушил моих свиданий с Лизой; она приходила ко мне только часом позже утром и уходила часа на полтора после обеда учиться, и то не всякий день. Об учителе разговоров у нас было немало. Она пересказывала мне каждое его слово, иногда посмеивалась над ним; говорила, что у него много стихов, что он привез с собой десятка два книг. Говорила также, что он спрашивал обо мне, что просил ее кланяться мне и просит у меня книг, потому что он умирает от скуки.

Я знала неряшливость, царствовавшую в доме Марьи Ивановны, и понимала, как тяжело было мало-мальски порядочному человеку жить тут, не имея с кем перекинуться мыслью. Я посылала ему книги, и когда получала их назад невольно перелистывала их... некоторые места были подчеркнуты карандашом...

А между тем апрельское солнце сгоняло последний снег, и сад принял какой-то зеленовато-бурый оттенок. Иные аллеи начинали уже просыхать, и дикий цикорий зацвел на завалинах у стен дома. Мы обдумывали с Лизой, как бы попроситься у тетушки погулять, и сердце мое замирало при мысли об отказе. Наконец в один теплый день вошла я к тетушке. Она сидела за книгой и шепотом читала.

— Что ты, Генечка? — спросила она, заметив меня.

— Тетенька! отпустите нас погулять, очень тепло, спросите Федосью Петровну...

Тетушка выходила на воздух только в самые жары. Тут же кстати вошла и Федосья Петровна.

— А что? тепло на дворе, Федосья? — спросила тетушка.

— Тепло, хорошо, сударыня. Али детям погулять хочется? Отпустите, матушка! тепло сегодня, не простудятся.

Никогда не забуду той радости, которую я чувствовала при этом решении.

За дверьми тетушкиной комнаты ждала меня улыбавшаяся Лиза; она радовалась больше за меня, чем за себя, потому что прогулка не имела для нее такой новизны и прелести, как для меня. Я прыгала, как козленок, и обнимала всех горничных. Через несколько минут явилась Федосья Петровна с целым возом на руках разной одежды. Я с ужасом глядела на толстый ватный капот и тетушкину меховую кацавейку, на платки и кофточки, которые должны были накутаться на меня. Радость моя несколько помрачилась при мысли, что я едва буду в состоянии поворотиться, не только бегать.

Начался процесс одеванья.

— Федосья Петровна! да вы меня задушите, — говорила я умоляющим голосом.

— Ничего, сударыня, — отвечала она, — простудитесь — хуже будет; куда мы тогда поспеем? все будем виноваты у тетеньки.

Наконец, задыхаясь от жару, скорее похожая на копну сена, чем на живого человека, вкатилась я к тетушке, увлекаемая вперед собственной своею тяжестью.

— Тетушка! мне душно, мне жарко! — восклицала я почти со слезами, — нельзя ли снять хоть кацавейку?

— Смотри, не простудись, Генечка! не срази ты меня...

— Да этак я хуже простужусь, — замечала я чисто инстинктивно.

— Не снять ли уж и вправду кацавейку, Федосья, ежели очень тепло?

— Как прикажете; оно тепло-то, тепло... ветерочек есть маленький.

— Вон, видишь ли, Генечка, ветрено, говорят.

— Да какое ветрено, тетенька! посмотрите, деревья не качаются...

— Ну ужними с нее кацавейку. На вот, надень мой платок, он претеплый.

И тетушка сняла с себя платок и, к великому моему удовольствию, заменила им кацавейку.

Мы вышли. Федосья Петровна проводила нас и обещала прислать нам сказать, когда будет время воротиться домой. Глубоко и ярко сияло над нами голубое весеннее небо и, казалось, вызывало магнетической силою из земли разнообразные растения, разбивало почки на деревьях и всему давало жизнь и блеск. Нас обдавало тем теплым, проникающим

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Жадовская Юлия В СТОРОНЕ ОТ БОЛЬШОГО СВЕТА

Ответственный редактор *М. Смылова*
Художественный редактор *В. Лебедева*
Технический редактор *А. Синицына*
Корректоры *О. Другова, П. Шевнина*
Верстка *В. Дёмин*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылады 31.03.2026.
Формат 84 × 108 1/2. Гарнитура «Lazurski».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 2000 экз. Т-LNM-38696-01-R Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака КоЛибри Fiction 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – КоЛибри Fiction тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, к. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68, БЦ «Регул», 2-й этаж Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 195112, Санкт-Петербург, Мало-Охтинский даңғымал, 68 ғимарат, Регул бизнес орталығы, 2-қабат Тел.: (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығармаған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

